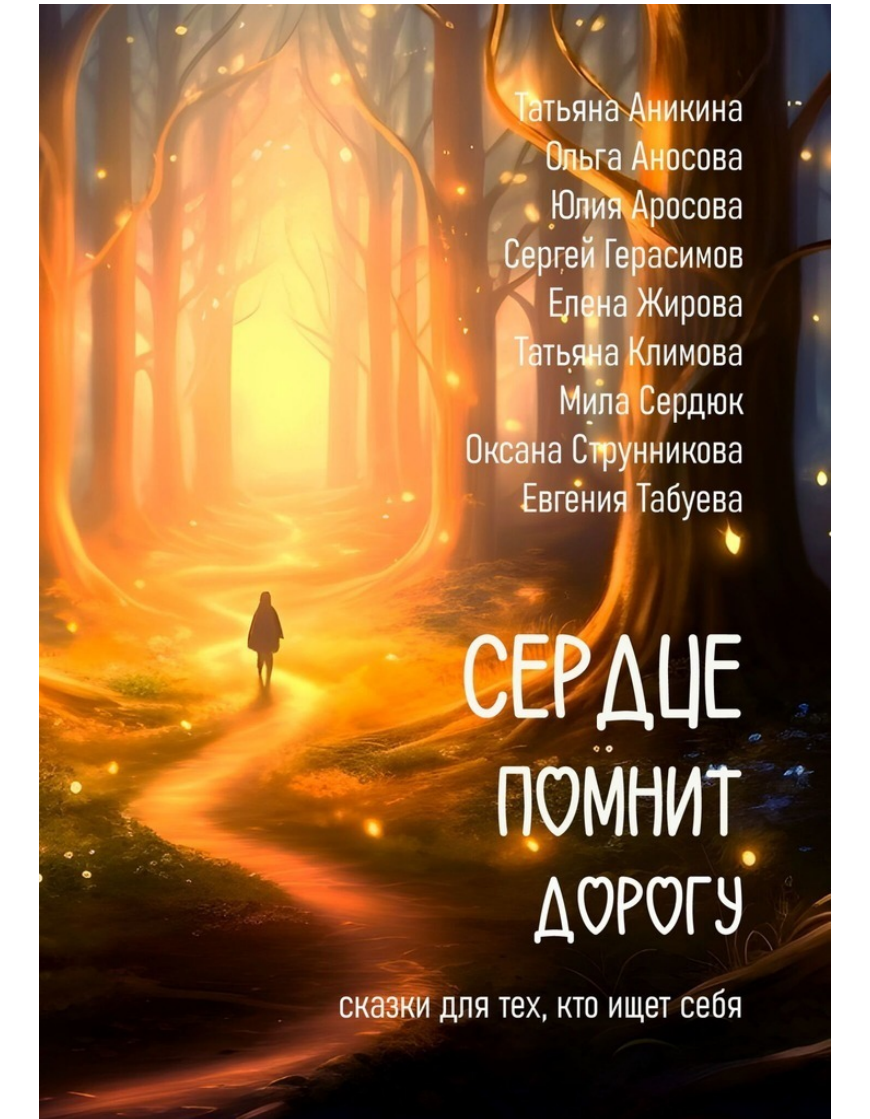


The background of the entire page is a vertical illustration of a magical forest. A path of warm, golden light leads from the bottom left towards the center, where a small, dark silhouette of a person is walking away. The trees are tall and slender, with glowing light filtering through their branches. The overall color palette is dominated by warm oranges, yellows, and deep blues, creating a dreamlike atmosphere.

Татьяна Аникина
Ольга Аносова
Юлия Аrosoва
Сергей Герасимов
Елена Жирова
Татьяна Климова
Мила Сердюк
Оксана Струнникова
Евгения Табуева

СЕРДЦЕ ПОМНИТ ДОРОГУ

сказки для тех, кто ищет себя

**Оксана Струнникова
Татьяна Аникина
Мила Сердюк
Юлия Аросова
Ольга Аносова
Татьяна Климова
Евгения Табуева
Елена Жирова
Сергей Герасимов**

Сердце помнит дорогу. Сказки для тех, кто ищет себя!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72769660
ISBN 9785006854758*

Аннотация

Вы держите в руках сборник теплых, эмоциональных сказок о том, как маленькие желания ведут к большим переменам. Это путеводитель по лабиринтам жизни, написанный языком волшебства и мудрости. В книге оживают знакомые каждому из нас житейские ситуации: от поисков себя и принятия решений до преодоления страхов и построения отношений. Каждая история

возвращает веру в добро и наполняет сердце светом.Откройте книгу и вспомните, каково это: верить, любить и мечтать всем сердцем!

Содержание

Юлия Аросова	6
Вредина	6
Татьяна Климова	14
Вторая жизнь Оливии	14
Ольга Аносова	23
Рожденная рекой	23
Мила Сердюк	29
Черный квадрат	29
Елена Жирова	34
Сказка о Лейке и Волшебном Саде	34
Татьяна Аникина	37
Маяк	37
Евгения Табуева	48
Крылья вдохновения	48
Сергей Герасимов	53
Сказание о Тяп Тяпыче	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сердце помнит дорогу Сказки для тех, кто ищет себя!

Авторы: Аросова Юлия, Аносова Ольга, Сердюк Мила,
Жирова Елена, Аникина Татьяна, Табуева Евгения, Гераси-
мов Сергей, Струнникова Оксана, Климова Татьяна

© Юлия Аросова, 2025

© Ольга Аносова, 2025

© Мила Сердюк, 2025

© Елена Жирова, 2025

© Татьяна Аникина, 2025

© Евгения Табуева, 2025

© Сергей Герасимов, 2025

© Оксана Струнникова, 2025

© Татьяна Климова, 2025

ISBN 978-5-0068-5475-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юлия Аросова

Вредина

Вредина жила одна на окраине сказочного городка. Рядом с ней никто не селился, зная ее сложный характер, а она не страдала от одиночества. Вредине было хорошо одной: она занималась своими любимыми делами, и ее ничто не отвлекало.

В душе Вредина не считала себя такой. Она искренне хотела сделать мир лучше, но почему-то все ее советы считались вредными, и никто ее не слушал. От этого она злилась еще больше, не могла понять, что делает не так, но и менять свой характер тоже не хотела.

Наступило долгожданное лето. Ранним утром понедельника Сорока принесла радостную новость: в их городок с концертом приезжала всемирно известная бабочка-фокусница. Вредина обожала бабочку; ей нравилось, как одним взмахом крыла та могла зажигать в воздухе тысячи огоньков и рисовать ими картины.

Вредина тут же оказалась в числе первых у кассы и купила самый дорогой билет в первом ряду. Концерт должен был состояться в воскресенье в полночь, когда на небе зажгутся звезды, а луна осветит концертную сцену.

Всю неделю Вредина готовилась к концерту. Она сшила себе платье с блестяшками, чтобы ярче всех светиться в темноте, тогда бабочка-фокусница обязательно ее заметит. Коллекция цветных пузырьков была обменяна у сороки на бинокль. А в магазине у светлячков была куплена пудра-светляшка для волос и башмачков.

Наступило воскресенье. Еле дождавшись ночи, Вредина бережно положила билет в сумочку, где уже лежали бинокль и мятная конфетка, и побежала на концерт. Она оказалась самой первой в очереди перед дверьми на полянку, где были расставлены стулья для зрителей. Два больших дорожных камня бабочкой-фокусницей были превращены в билетеров.

– Ваш билет? – монотонно спросили камни, обращаясь к Вредине.

Вредина открыла сумочку, но... билета не нашла. Ее резко пробрала дрожь.

– Ваш билет, – опять монотонно требовали камни.

Вредина стала судорожно рыться в сумочке, трясти ее сверху дном, но вывалились только бинокль и конфетка.

Очередь зашумела.

– Вредина решила без билета пройти! Ха-ха-ха!

– Так ей и надо, Вредине!

– Вредина, не задерживай, уходи! Хватит вредничать!

– Нет, нет. У меня есть билет. Я его покупала. Гусеница, скажи, что я его покупала! – Вредина умоляющим взглядом стала искать в толпе гусеницу.

– У меня весь город покупал, я всех не помню, – ехидно выкрикнула гусеница из толпы, припоминая, как Вредина смеялась над ней, когда та застряла в дверях булочной.

– Ваш билет, – уже в третий раз спросили камни.

– У меня есть билет! Есть! – истошно завопила Вредина от безысходности, но ее опять никто не слушал. – Я никогда ничего не теряю и не забываю. Его кто-то украл!

– Прогоните Вредину! – закричали из толпы. – Она опять пришла праздник портить! Вечно у нее все виноваты.

Очередь зашумела, подхватила брыкающуюся Вредину и выбросила ее подальше от дверей на концерт.

Вредина была ошарашена. Она проводила взглядом последнего зашедшего зрителя, ворота закрылись, и камни стали опять камнями. Разговаривать с ними было бесполезно. Послышались первые громкие звуки начавшегося концерта. Вредина глубоко вздохнула, положила бинокль и конфетку обратно в сумочку и поплелась домой по пустому ночному городу.

Она никак не могла понять, куда мог деться билет. Застежка на сумке была крепкая, и Вредина никогда ничего не теряла. Но теперь это уже было неважно. Она была так расстроена и подавлена, что на слезы уже не оставалось сил.

Со своим любимым одиночеством Вредина доплелась до дома, но он ей вдруг показался таким неудобным и грустным, что не захотелось в него заходить.

Она села на свою любимую полянку перед крыльцом

и подняла глаза к усыпанному звездами небу. В ее сумочке валялась одинокая конфетка, и она решила ее съесть. Открыв сумочку, начала шарить рукой по дну, но вдруг обнаружила дырку в подкладке. Присмотревшись, она увидела, что из дырки торчал билет на концерт.

Вредина глубоко вздохнула, покрутила уже бесполезный билет в руке и положила обратно в сумку. Она вдруг поняла, что всю жизнь вредила только сама себе, а не другим. Вредина была уверена, что ей никто не нужен и что любую проблему прекрасно может решить сама. Она никогда ничего не теряла и не забывала, всегда верила в свою безупречность. А тут обычная дырка в подкладке, взявшаяся непонятно откуда, смогла легко разбить всю ее самонадеянность. Возможно, если бы у нее были друзья в городе, ей бы помогли найти билет в сумочке, в очереди бы над ней не смеялись, а гусеница бы подтвердила, что Вредина действительно покупала билет. Но было поздно, уже ничего нельзя было изменить.

Вредина вспомнила про конфетку, нащупала ее в сумочке, развернула и положила в рот. Нежный мятный вкус окончательно прогнал грусть. От всех этих мыслей Вредине вдруг стало как-то легко на душе, мир вокруг показался каким-то новым, и она снова обратила внимание на ночное небо. В это время она всегда спала и даже не подозревала, насколько луна и звезды могут быть красивыми. Вдруг Вредине показалось, что звезды с неба наблюдают за ней. Она посмотрела на себя и увидела, что светится в темноте так же ярко, как

и они. Платье, волосы и туфельки освещали всю полянку.

Вредина вспомнила про бинокль. Ей захотелось поближе рассмотреть ночное небо. Через увеличительное стекло ей открылся мир, который не виден был обычному взгляду. Ночное небо напоминало бездонный, тихий океан, а звездочки – рыбок, которые махали Вредине своими плавничками.

– Как странно, я всегда думала, что звезды – это просто светящиеся камешки на небе, а они, оказывается, живые! – сказала Вредина и сама поразилась своему открытию.

Одна звездочка, как будто услышав мысли Вредины, начала приближаться к ней. Когда звездочка оказалась совсем близко, Вредина воскликнула:

– Ой, что со мной? Я взлетаю?

– Да, это звездное притяжение, на тебе же пудра светлячков.

Вредина поняла, что оторвалась от земли и взлетает в небо вместе со звездочкой.

– Блестяшка, хочешь полетать? – спросила звездочка. – Я покажу тебе твой город с высоты звездного полета.

– Да, хочу! И меня еще никто не называл Блестяшкой! – радостно воскликнула Вредина.

Они поднялись высоко-высоко, и Вредина увидела свой город, его дома, улицы и собственный дом, который тоскливо стоял на окраине. Она увидела, как идет концерт и бабочка-фокусница рисует огоньками картины. С высоты смотреть концерт было гораздо интереснее. И тут Вредине захо-

телось так же, как бабочка-фокусница, разукрасить огоньками весь ночной город.

Звездочка догадалась, о чем думает Вредина, и сказала:

– Хочешь, я научу тебя зажигать ночные фонари? Все звезды умеют зажигать ночью свет, а я научу тебя.

– Да, хочу!

На следующий день Вредина посадила вокруг своего дома разноцветные полевые колокольчики. Как только наступил вечер, она налила в них воды и добавила звездную пыль, которой с ней поделилась звездочка. Дом засветился, как только скрылось солнце и взошла луна.

Весь город сбежался посмотреть на это чудо. Все подумали, что это бабочка-фокусница вернулась опять. Но их ждало еще большее удивление, когда Вредина рассказала про встречу со звездочкой и про то, что звезды на небе – живые существа, а не мертвые камни. И что если посыпать на себя пудру-светяшку, то можно полетать вместе со звездами и подружиться с ними.

А еще Вредина поделилась со всеми в городе звездной пылью, чтобы каждый смог сделать себе фонарик, какой только пожелает.

Особенно была счастлива сорока. Коллекция из разноцветных стеклянных пузырьков, которую она выменяла у Вредины на бинокль, стала коллекцией лампочек, которые светились даже днем.

И вот уже через неделю сказочный город преобразился.

Везде горели разноцветные фонарики, которые смастерили сами жители. Самые любознательные увлеченно рассматривали ночное небо в подзорную трубу и составляли карту звездного неба.

Светлячки первыми подружились со звездочками и теперь проводили летающие ночные экскурсии для всех желающих. Они и не подозревали, что их пудра-светяшка может оказаться такой важной для полетов.

Как-то само собою Вредину все стали называть Блестяшкой и забыли, какой вредной она была раньше. Да и Блестяшка тоже изменилась; она светила теперь и ночью, и днем от радости, что помогла своему сказочному городку стать лучше, а жителям – совершить столько открытий.

Однажды к Блестяшке пришла гусеница, которая продавала билеты в кассе. Лишь у нее одной в городе не получалось летать: она боялась высоты.

Блестяшка поняла, как ей помочь.

– Ты должна в полнолуние выпить чая из сонной травы со звездной пылью и крепко уснуть. Ты будешь спать, не просыпаясь, три дня. А как проснешься, весь страх как рукой снимет.

Гусеница кивнула и сделала, как сказала Блестяшка.

Прошло три дня. Гусеница проснулась оттого, что ей что-то мешало на спине. Она никак не могла рассмотреть, что же так чешется, подошла к зеркалу и ахнула. Гусеница не могла поверить своим глазам: она превратилась в бабочку! Ее ко-

роткие пухлые лапки стали тонкими и изящными, брюшко вытянулось и покрылось бархатными волосками, а большие крылья напоминали ночное небо – темно-синие с золотистыми точечками. Бабочка взмахнула крыльями и выпорхнула из дома. Про страх она и думать забыла. Гусеница превратилась в бабочку навсегда.

Когда бабочка-фокусница снова приехала в сказочный городок на гастроли, то она его не узнала.

Она была поражена тем, что теперь все в городе могли летать. Но самое главное – что огоньки перестали быть фокусом и стали очень полезной вещью.

Татьяна Климова

Вторая жизнь Оливии

Эта невероятная история произошла в удивительном месте под названием «Книгоиздательство». Да, именно там, где делают красивые и умные книги, которые потом миллионными тиражами расходятся, расплываются и даже разлетаются по всему миру. Но перед тем как попасть в руки читателю, каждая книга проходит свой нелегкий путь. И начинается он с редактора!

В одном кабинете издательства, за старинным дубовым столом, работал опытный редактор. Он готовил книги к печати. О его доброжелательном отношении знали все писатели и старались принести свои творения именно к нему. Когда он правил текст, буквы словно танцевали на страницах рукописи. Особенно редактор был добр и внимателен к молодым авторам.

– Посмотрим, посмотрим, – говорил он, принимая толстые листы рукописи, и подбадривающе смотрел поверх своих очков. Редактор знал, как остро переживают писатели критику, и старался быть внимательным и справедливым.

– Ничего, ничего! – И он одобрительно кивал седой головой.

– А вот здесь, голубчик, надо бы подправить, а здесь опечатки убрать... – Замечания редактор делал тонко и деликатно. Он ведь и сам был писателем, и знал, как важно бережно относиться к тексту.

Но однажды в кабинет редактора пришел совсем другой человек: молодой, со скверным характером и безжалостным отношением к авторам. По его распоряжению старую печатную машинку до списания засунули в шкаф. Ее место занял новенький ноутбук и никелированная современная настольная лампа.

Главный редактор с упоением принял разгребать завалы рукописей от прежнего руководителя.

– Здесь столько ошибок, что даже семиглавый дракон, охраняющий мир литературы, не мог бы спасти эту рукопись! – Злился он. И его красный, именной карандаш, беспощадно черкал страницы, выискивая ошибки, как собака-ищейка.

Так продолжалось день за днем. Как-то ночью, когда все помещения издательства опустели, в комнате главного редактора прозвучал звук, похожий на печальную дробь неопознанной птицы. Лампа обеспокоенно щелкнула выключателем и зажгла яркий свет в плафоне.

– Что такое? – Недовольно проворчал красный карандаш, лежавший на письменном столе редактора. Он себя считал самым главным, и в его голосе прозвучали металлические нотки.

Ноутбук, дремавший рядом, моргнул голубым экраном и окончательно проснулся:

– У нас что, завелись крысы в шкафу? Босс, мне вполне хватает одной мышки! – И он с опаской подтянул сетевой шнур поближе к себе.

– Уф, уф, – запыхтел толстый дырокол Дыр-Дыр. Его оставили пока временно, и он, зная это, очень тщательно подбирал слова.

– Осмелюсь доложить, Карандаш Романович, Гаджет Иностранович, это не крысы, а старая печатная машинка Оливетти. Она осталась от прежнего редактора. Он очень любил за ней работать. Когда его не стало, машинку засунули в шкаф. – Пояснил дырокол и, спустившись по проводу, с трудом открыл дверцу шкафа. Там, в углу, заваленная бумагой, стояла пишущая машинка.

– Извините, я Оливия. Я не хотела вас беспокоить, – она застенчиво опустила глаза. – Мне просто невыносимо одиноко находиться в этом пыльном шкафу, – и, поддерживая венчающую ее каретку, она вылезла наружу.

За годы кропотливой работы машинка немного заржавела и буквы на клавиатуре читались плохо. Яркий лунный свет осветил ее потертый пластмассовый корпус и стопку распечатанных листов в ее руках.

– Много лет я служила верой и правдой старому редактору, пока меня не сменили на этого... – Она перевела взгляд на ноутбук и, понизив голос, добавила. – На этого бездуш-

ного всезнайку.

– Осмелюсь заметить, – строго подчеркнул Карандаш Романович, – мой заместитель любит использовать иностранные слова, но у него есть преимущество перед всеми: он сразу дает ответ!

– Когда не зависает, уф, уф! – осторожно добавил Дыр-Дыр.

– Ваша работа – делать дырки и не вмешиваться в творческий процесс! – оборвал его карандаш. – И нечего тут хихикать!

И карандаш перевел взгляд на лампу.

Лампа выпрямила свою длинную, гибкую ножку, повернула плафон в сторону Оливии и желчно заметила:

– Зачем же вы утруждали себя? Сидели бы на месте.

Оливия робко протянула стопку листов карандашу:

– В моей голове накопилось столько историй, что я их тихонечко напечатала. Я мечтаю, чтобы с моей книгой познакомились как можно больше читателей!

От этого заявления пухлый дырокол раздулся еще больше, лампа язвительно фыркнула, а карандаш побагровел от такой наглости: как эта самозванка из шкафа, смеет называть себя писательницей?

– Только я знаю, как писать идеально! Книги должны быть такими, как я хочу! – злобно зашептал он и протянул рукопись ноутбуку.

– Босс, проверять и исправлять содержание – это ваша ра-

бота, – равнодушно произнес гаджет и впал в дрему.

Карандаш вздохнул и стал править текст.

– Слишком много описаний, – ворчал он, вычеркивая целые страницы. – А здесь не хватает драмы, – продолжал, стирая важные сцены.

Оливия была в отчаянии, видя, как напечатанные листы покрывают красные полосы. Каждая правка казалась ей уничтожением ее творения.

– У вашей книги нет будущего! – вынес безжалостный вердикт карандаш.

Чувствуя себя отвергнуто, разочарованная Оливия вернулась в свой пыльный уголок. Ночами она тихонько что-то шлепала у себя в шкафу, пока однажды не вышла с новой стопкой напечатанных страниц.

– Ваша книга не подходит! В ней нет окраски! – Злился, словно его ужалила оса, редактор Карандаш Романович.

– Но я так старалась, столько души было вложено в этот текст.

– Самое важное в писательстве – это умение вычеркивать! – Подчеркнул Карандаш Романович, и размашистые красные полосы снова густо ложились на бумагу.

– В прежнее время книги писали писатели, а читали читатели. Теперь пишут читатели и не читает никто! – Лампа моргнула и, изогнув до предела ножку, попыталась дотянуться до текста.

– А что она пишет? – пытался заглянуть в рукопись тол-

стый Дыр-Дыр.

– Очередную ерунду! – пыжился от собственной важности карандаш и самодовольно задирает вверх острый нос.

Получив очередной отказ, Оливия впала в отчаяние: как он мог так холодно отозваться о ее рукописи? Она долгие годы работала с талантливым писателем. Ах, как она обожала наблюдать за его творческим процессом. Особенно ее завораживали его сказки для детей. Истории о смелых рыцарях, спасающих принцесс из башен, огнедышащих драконах, волшебных замках и забавных зверюшках, попадающих в невероятные приключения, всегда вызывали у нее восторг.

– Моя жизнь потеряла смысл, – тихо сказала она. – Я так хотела поделиться своими увлекательными историями, а вместо этого получила рукопись с язвительными комментариями.

– Не стоит так отчаиваться, – раздался голос с верхушки шкафа. – Всегда есть надежда. Не все редакторы одинаковы. Главное, не сдаваться и верить в свою мечту.

Белая изящная вазочка с нежными лиловыми колокольчиками протянула в ее сторону зеленую ветку.

– Когда я поселилась на этом шкафу, у главного редактора был день рождения. Все поздравляли его, и тогда я услышала, как он сказал: «Каждая книга должна быть признана! Наш долг помочь ей!»

– Но новый редактор, Карандаш Романович, постоянно критикует мою работу, – печально пожаловалась Оливия.

– Тебе нужен наставник, который знает все секреты литературного мастерства. Тот, кто поможет избежать ловушек редактора. В нашем королевстве живет Танцующая Фея – магическая самопишущая ручка. Она каждый текст преобразует в нечто прекрасное. Танцующая Фея обладает удивительной способностью видеть красоту в каждом предложении и превращать хаос в гармонию. Она поможет написать тебе любую историю. Стоит только сильно-сильно пожелать встречи с ней.

– Я очень желаю! Я хочу написать историю о злом редакторе, который никогда не принимал чужие идеи и был несправедлив с писателями, – воскликнула Оливия, и ее клавиши воодушевленно захлопали.

Лиловые колокольчики зазвенели, и в воздухе затрепетали крылышки Танцующей Феи.

– Не печалься, Оливия. Твоя книга прекрасна, но редактор не увидел в ней того, что ты вложила в нее. Давай, я помогу тебе исправить ошибки и сделать книгу еще лучше.

Фея невесомо запорхала над страницами. Она читала рукопись и вносила поправки, добавляла яркие образы и описания. Теперь книга оживала прямо на столе. Слова танцевали на бумаге, предложения кружились в воздухе, а знаки препинания выстраивались в причудливые узоры. Ведь ручка знала, что магия заключается не в самой рукописи, а в умении правильно ее направить. Оливия была счастлива.

Теперь это было не просто произведение, а настоящее ис-

куство.

– Смело носи свою книгу редактору, – прошептала Оливии вазочка Вдохновения. – Найдется тот, кто поймет твою историю.

Утром на письменном столе лежала рукопись Оливии и красивая новая ручка. Новый редактор отложил огрызок красного карандаша и взял ее. С первой страницы он был поражен и не мог отрицать талант и честность автора.

– Какая проникновенная и правдивая история, – сказал он, удивленно качая головой. – У писателя явный талант. Даже суровые критики признают достоинства рукописи. Эта книга может стать бестселлером!

Редактор аккуратно сложил стопки напечатанных страниц на край стола. Затем, поморщившись, выбросил старый, исписанный огрызок карандаша в мусорную корзину.

– Ну что, Огрызок Романович, – раздался со стола голос пузатого дырокола. – Ты так сильно злился на всех писателей, что исписался до точки! Уф, уф!

С тех пор в этом волшебном мире знали: даже самый суровый редактор не устоит перед талантом и искренностью.

– А что же стало с героями нашей сказки? – спросите вы. Оливия продолжала писать свои истории.

Вазочка вдохновляла молодых авторов не сдаваться и верить в свои мечты.

Танцующая Фея стала хранительницей великой силы слова.

Дырокол с лампой советовали начинающим писателям искать того, кто поймет их историю.

А ноутбук равнодушно светил голубым экраном и всегда был готов ответить на самые каверзные вопросы – если не зависал.

Ольга Аносова

Рожденная рекой

Маленькая капелька появилась совсем неожиданно для себя. Она даже не понимала, зачем создана и в чем ее истинная сила. Все ее существование сводилось до уровня обслуживания окружающих и напитывания их жизненной энергией.

Шло время, и по логике капелька должна была постепенно превращаться во что-то большое, во что-то более сильное и мощное, но она все также оставалась капелькой: маленькой, все и всех принимающей и часто обессиленной.

Ей казалось, что отдавать целительную влагу всем, кто к ней подходит, – это правильно. Напитывать существо водой, не получая ничего взамен, – это норма для нее.

«Ведь я создана водой! Моя задача – питать и наполнять».

«Питать и наполнять – это и есть высшее благо, ничего не прося взамен», – так думала капелька, каждый раз, когда уставала или была с чем-то не согласна, но топила свое недовольство в заботе, веря, что это единственно правильный ее путь: питать и наполнять, несмотря ни на что.

А если она не успевала восстановиться после отдачи и замирала на мгновение, то слышала в свой адрес ругательства,

насмешки, оскорбления и унижения, но это ей тоже казалось нормой, ведь ничего другого в целом-то и не было в ее жизни.

- Ты что лежишь? Заняться нечем?
- Развалилась тут, как сопля!
- Я считаю, что тебе уже достаточно отдыхать!
- Слишком холодная!
- Слишком много тебя сегодня!
- Чего такая медленная?!
- Тетера, посмотри на себя, на кого ты похожа?
- Что с тобой будет? Встала и сделала, раз сказали!

«Это я виновата в их плохом настроении, – рассуждала капелька. – Я не дала им воды, не порадовала, не наплатила, как они хотели, значит, заслужила такое отношение к себе. Я должна была постараться наполниться побыстрее». – По большому счету все ее существование сводилось к истощению и наполнению. И так бесконечное количество раз. День сурка: наполнение и слив, наполнение и слив.

Часто капелька сильно ощущала два странных состояния, которые менялись, становились тише или, наоборот, ярче, переходили одно в другое, но никогда не проходили полностью. Они лишь разбавлялись иногда радостью от сделанной работы или сном, минутой тишины или уединения. Но, что это за состояния, капелька не знала. Так же, как не знала, что они разрушают ее.

А вместе с привычкой быть удобной, услужливой и жела-

нием получить любовь и внимание, похвалу и нежность, эти состояния часто меняли ее структуру и состав.

Эти непонятные ей состояния заставляли двигаться и трудиться еще усерднее, еще тщательнее и настойчивее.

Они были тягучими, плотными, тяжелыми, удушающими и бесконечными. Они возникали всегда, когда капелька не успевала быстро наполниться, когда кому-то не хватало живительной влаги, когда кто-то громко говорил и заставлял ее оправдываться за усталость, болезни и собственные желания, которых было у нее не так-то и много.

И даже в минуты бессилия, капелька все равно продолжала делать и отдавать через «не могу», «должна» и «обязана».

– Я должна помочь волку, ему сейчас тяжело.

– Я не могу не помочь крокодилу, вон, как он страдает.

– Мне надо встать и сделать, чтобы медведь с лисой были довольны.

«Я должна...» незаметно для нее укоренилось в душе и стало частью ее характера и образа жизни.

Она ежедневно наполнялась и сжималась до уровня точки, и так продолжалось и продолжалось. Она не знала и даже не могла подумать, что может быть чем-то большим, чем-то заметным и важным не только этому узкому кругу.

В один ничем не примечательный день, после очередного слива, капелька почувствовала нестерпимый тремор в своем маленьком тельце. У нее больше не было сил наполниться. Она перепробовала все возможное, все, что ей когда-то по-

могало.

Не помогли и оскорбления с унижениями. Не помогли сравнения ее с кем-то. Даже не сработала молитва.

Капелька иссякла.

Постепенно к ней все реже и реже приходили. Чаще уходили с руганью и разочарованием, ничего не получив. Больше у нее нечего было взять. Она не питала и не наполняла. Для окружающих она стала бесполезной, ненужной и быстро забытой.

«Я нужна была, только пока питала! Никому нет дела до моей усталости, моих потребностей. Всем важно мое молчание и влага».

Из страха остаться одной, быть брошенной и забытой, она сильно старалась наполниться и снова начать помогать, но становилось только хуже.

Капелька осталась совсем одна. Она как будто умерла. Никто ее не видел и не слышал. Никто не интересовался ею.

Никто, кроме маленького грача, наблюдавшего издали за жизнью капельки, не возмущался, хотя он и ничем не мог ей помочь, пока толпа не отошла от нее.

– Что ты любишь? – спросил ее неожиданно грач, просто чтобы разорвать многомесячную невыносимую тишину и хоть как-то обратить на себя внимание.

– Ты меня видишь? – с удивлением спросила капелька.

– Конечно! Ты обнулилась, но не умерла же.

– Обнулилась?

– Да! Не смогла больше удерживать старые сценарии и искусственные выученные установки. Во всем твоём проявлении не было тебя, кроме энергии, которую ты, не жалея, отдавала. Но родилась-то ты не для обслуживания и поддержания чьей-то жизни. Ты родилась, чтобы проявиться, чтобы раскрыть весь свой природный потенциал, всю свою силу и мощь.

– О какой силе идет речь? Природный потенциал?

– Ты – часть природы! Ты – источник, через который Вселенная реализует свой замысел. Ты так упорно, старательно заботилась о ком угодно, а теперь хоть в половину этой силы позаботься о себе. И ты поймешь, о каком потенциале я говорю.

Маленький грач расправил крылья и взлетел, оставив капельку наедине со своими мыслями и воспоминаниями:

– Мне надо лететь, у меня тоже есть свое предназначение.

И в этот момент капелька заметила недалеко от себя несколько саженцев. Они нелепо торчали, с трудом цепляясь своими корешочками за землю, как будто кто-то как попало их воткнул, лишь бы те не умерли. Их молодая листва уже пожухла от нехватки воды, а стволы были настолько нежны, что с трудом удерживались на ветру.

Капелька в заботах перемещалась от одного деревца к другому, искренне радуясь новым жизням и их росту. Она была не одна. Она давала им то, что могла: любовь, внимание, энергию и нежность, а деревья с благодарностью возвра-

щали ей ее старания в виде тишины, чистоты, красивой зелени и увеличивающейся густой растительности.

Она непрестанно любовалась красотой природы, наполняясь энергией, мощью, уверенностью. И даже не заметила, как сильно изменилась сама вместе с ними.

Медленно, но системно она росла и наполнилась. Раскрылась большим, красивым источником, который мог напитать не отдельных существ замкнутого пространства, а целый лес.

Она помогла ему вырасти, окрепнуть, а лес помог ей расшириться, стать целостной и могучей.

Они стали одновременно и едины, и самостоятельны.

Кто угодно мог прийти, насладиться чистейшей водой, тишиной и умиротворением, которое манило обитателей леса.

Капелька уже не была маленькой. Все больше и дальше она распространялась по территории, переплывая границы областей и стран, соединялась с другими капельками, создавая новые источники и каналы.

Но где бы она ни находилась, куда бы она ни отправлялась в своих прекрасных путешествиях, маленький грач навсегда остался в ее памяти.

– Где ты, где ты, мой милый, заботливый друг?

Мила Сердюк

Черный квадрат

Киёми словно сошла с полотен эпохи Возрождения, выходя из ряда восточных красавиц своей молочной кожей, пшеничными волосами и небесными глазами. Настоящий эдельвейс, выросший не в горах, а на японской земле – хрупкая, нежная, но одновременно смелая. Ее голос звучал мелодией, что уносила в мир грез. Накинув кимоно цвета утренней зари, подпоясавшись шелковым поясом, она в мгновение ока впрыгнула в деревянные гэта и выпорхнула в благоухающий сад. Грациозная, как бабочка, она порхала между вишневыми деревьями, лишь слегка касаясь земли.

В беседке ее ждал возлюбленный Фудо. Он, подобно разъяренному тигру в клетке, мерил шагами пространство, каждый шаг – удар грома, словно он пытался своей поступью заглушить тишину сада, заполнить собой все вокруг. Черноволосый, как крыло ворона, статный, как кипарис, он сгорал от нетерпения, ожидая Киёми. Ее появление встретил хмурым взглядом:

– Ты опоздала!

– Прости, я задержалась с работой, – пролепетала Киёми, слегка запыхавшись.

– Неважно, – отрезал Фудо, словно самурайским мечом. Киёми опешила, словно ее окатили ледяной водой.

– Я женюсь, – выпалил он, как будто делал заказ в суши-баре.

– Женишься?! – эхом отразилось в ее голове.

– Да, наши с Кику родители договорились о дате и месте...

Киёми почувствовала, как мир вокруг нее рушится, словно картонный домик. Слова Фудо вонзались в нее, как отравленные стрелы, каждое слово – удар в самое сердце. Сердце кричало от боли. Этого не может быть! Тот, кто был родным и любимым, в одно мгновение превратился в чужого. Мечты о совместном будущем разлетались на тысячи осколков.

Обратно она шла, не помня себя. Силы исчезли, ноги стали ватными. Слезы лились водами Стикса. Опухшие веки застлали глаза. Прохожие шарахались от Киёми, как от прокаженной, боясь заразиться ее горем.

Позже она узнала правду – семья Фудо не желала породниться с Киёми из-за ее необычной внешности. Не хотели запятнать свою родословную альбинизмом. А Фудо? Ах, Фудо... Покорился, не проявив ни капли самурайского сопротивления. Даже не попытался бороться за нее, доказать свои чувства. А были ли они вообще? Ему просто льстило внимание необычной девушки, художницы, воспевавшей его в стихах и холстах.

Киёми продолжала жить, не выдавая ни словом, ни взглядом свою боль. Но ее душевное состояние отразилось на по-

лотнях. Раньше они поражали своими яркими светлыми красками, и писала она только с натуры, что позволяло уловить тонкости света и тени, создавая ощущение дыхания жизни. Теперь же в них преобладал черный цвет – кричащий, мрачный, всепоглощающий, вытесняя все светлое и радостное. И вот однажды она полностью отказалась от светлых красок и закрасила холст черным.

«Черный квадрат – это конец или выход?» – пронеслось у нее в голове.

На следующий день Киёми пустилась в странствие по отдаленным провинциям. В гордом одиночестве исходила она земли, посещая храмы, вознося дары и давая обеты. Она стремилась оживить свое сердце, размочить его слезами. Почувствовать, что не видится глазами и не слышится ушами.

В пути ей встречались мудрецы и юродивые, чьи слова она бережно собирала, словно драгоценные камешки, и прятала глубоко в сердце.

– Не печалься, красавица. Испытание тебе дано свыше. Не в наказание, а в совершенствование в любви. Есть дивные строки одного христианского апостола о высшем проявлении любви: *«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает»*. И я бы добавил: не унижается, знает

предел.

– Проще закрыться в ракушку, оградив себя от бурь внешнего мира, и находиться в некоторой безопасности, нежели вывернуть эту ракушку наизнанку, зная, что вместе с любовью полетит в тебя и ненависть. Будь самой собой. Будь искренней. Будь откровенной. Будь честной. Хоть прячься, хоть откройся, все равно придется столкнуться с любовью и нелюбовью людей. Это закон жизни.

– Любовь пылает яркими красками, ненависть же не имеет цвета. Не окрашивай свое сердце печалью.

Киёми, склонив голову, заплакала. Слезы горечи и радости перемешались в ней. Сердце стучало в такт всхлипыванию. Седовласый мудрец подошел к ней и бережно, по-отечески обнял.

– Доченька, все обернется к лучшему. Ты встретишь порядочного человека, для которого ты станешь целым миром.

Вернувшись домой, окрыленная, сбив пыль с красок и кисти, девушка создала свою самую известную картину «Секретный сад Киёми». Капля за каплей вода точит даже самый твердый камень, так и сердце, скованное отчаянием, оттаивает, если над ним потрудиться. Киёми сумела взрастить в своем сердце райский сад!

Вспомнив о Фудо, она с улыбкой произнесла:

– Воистину, для одних мы лишь миг, а для других – целая

вселенная.

Елена Жирова

Сказка о Лейке и Волшебном Саде

Жила-была юная и нарядная садовая лейка. Она была тонкая в талии, блестела на солнце как лепесток, покрытый утренней росой, и имела изящный носик, из которого весело брызгала вода.

Однажды Лейка по приглашению оказалась в экспериментальном саду. Он был полон самых причудливых растений: здесь росли узорчатые цветущие огурцы, капризные орхидеи, гордые мандарины, которые не терпели даже капли пыли на своих листьях. Каждое растение было особенным и требовало своего – то влаги в строго определенное время, то тени, то слов утешения, если кто-то случайно задевал корень.

И Лейке здесь невероятно понравилось. Она с увлечением изучала каждого жителя сада. Знала, когда нужно напоить голубую клубнику, чтобы та не грустила. Понимала, как важно брызнуть ровно пять капель на листья фиолетового базилика, чтобы тот пел свои ароматы.

Скоро весь сад начал шептаться:

– Ах, какая у нас Лейка! Какой профессионал!

Так Лейка стала директором сада. В ее распоряжении ока-

зались: Умелая Лопата, глубоко думающая и способная проникнуть в самую суть земли; Бережные Грабли, мягкие и заботливые, собиравшие опавшие листья, словно воспоминания; Разнообразные Тяпки – каждая со своим характером, но очень полезные.

Лейка как начала ими командовать.

– Лопата, копай! Грабли, сгребай! Тяпки, рыхлите! Быстро! У нас тут мандариновый стресс! Делайте, как я вам сказала! Быстрее, мне нужно, чтобы вы успели к открытию сезона!

Сначала все дружно работали. Но день за днем садовые инструменты стали уставать. Лопата притупилась, Грабли потеряли ритм, а одна из Тяпок ушла в отпуск и не вернулась.

Лейка в ярости подскочила к Лопате:

– А ты чего застыла? Неужели не понимаешь, я не справлюсь одна, если вы не поможете – все растения погибнут!

И вот эти слова, простые, искренние слова, вдруг прозвучали по-настоящему волшебным.

Лопата перестала гнущься от усталости, выпрямилась и тихо сказала:

– Так бы сразу и сказала.

Грабли зашуршали одобрительно:

– Мы ведь не просто так здесь. Мы ведь тоже любим этот сад.

Тяпки зазвенели в унисон:

– Если у нас будет общее дело – мы свернем землю! В хорошем смысле!

И тут Лейка поняла самое главное: руководитель – не тот, кто командует, а тот, кто объединяет. Не она одна заботится о саде. Этот сад может жить только тогда, когда каждый инструмент чувствует себя важным, нужным и понимает, ради чего трудится.

И тогда Лейка начала рассказывать.

О капризных орхидеях, которые цветут, только когда слышат утреннее пение дрозда.

О мандаринах, что мечтают попасть в северные сады, где никогда не видели цитрусовых.

О том, как из семян этих удивительных растений можно вырастить целые сады будущего.

Команда слушала и вдохновлялась.

Теперь сад расцветал не потому, что кто-то отдавал команды, а потому, что каждый в команде знал: у нас есть общее дело. У нас одна цель. И каждый – не просто инструмент, а часть великого чуда.

Так Лейка стала по-настоящему мудрой. И больше никогда не говорила:

– Делай, потому что я сказала.

А говорила:

– Давайте сделаем это вместе.

И жил сад. И расцветал. И вдохновлял другие сады.

Татьяна Аникина

Маяк

Старый Маяк на высокой горе видел многое: штормы и спокойные ночи, радостные встречи и грустные прощания. Весь Соловецкий остров далеко внизу был хорошо виден ему сверху со своими горами, лесами, озерами и полями. Темная зелень бора и изумрудные поля поймы с зеркальной поверхностью озер, в которых отражались облака, хранили тайны веков.

Тягучие мысли Маяка неторопливо, как серые облака на небосклоне над Секирной горой, размеренно текли в вечности: «Я – страж этого моря. Мои лучи – надежда для тех, кто потерялся в темноте. Я чувствую себя как старый друг, который всегда рядом, даже если его никто не замечает. Я как сердце этого океана, бьющееся в такт волн и ветров...»

Вдруг Маяк почувствовал тепло – это его старинный друг, Маяк Мыса Святой Нос, послал ему сигнал – к острову приближается корабль. Он обрадованно встрепенулся, что может в очередной раз помочь лоцману пройти узкий фарватер и причалить корабль. Его каменные стены, покрытые морской солью и временем, стали излучать призывную энергию спокойствия, уверенности, которая так необходима мо-

рякам, возвращающимся домой.

Снизу послышался скрип выдавших виды ступеней – это монах Варфоломей поднимается, чтобы проверить, все ли работает. Больше чем за сто пятьдесят лет жизни на колокольне Свято-Вознесенского скита Соловецкого монастыря Маяк запомнил каждого, кто нес послушание и скрашивал его одиночество, однако Варфоломей был особенным. Вот и Ангел тоже отмечает его особым вниманием: поддерживает на крутой узкой лестнице, прикрывая от особо сильных порывов штормового ветра. Но что-то Ангела сегодня не видно – какие такие дела его задерживают?

Тем временем Варфоломей поднялся, проверил отражатель радиолокационных сигналов, протер стекло прожектора, бережно достал из кармана рясы потрепанный томик Библии и прочитал стих, затем троекратно перекрестил море, отвесил поясные поклоны и осторожно стал спускаться по лестнице.

– Ну что, все спокойно? – услышал Маяк голос Ангела.

– Где ты был, почему оставил свой пост? – Ворчливо произнес в ответ Маяк. – Рассказывай, что нового узнал? Я только и могу, что с моими сослуживцами-маяками общаться, у нас общая тема – море и корабли, а ты везде можешь побывать, все посмотреть, вовремя помочь попавшим в беду, можешь даже предотвратить эту беду.

– Так я, на самом деле, тоже далеко от своего места ведь не могу отлучиться, да и не нужно это – здесь хватает рабо-

ты, – улыбнулся Ангел, внимательно посмотрев в светящуюся и мигающую линзу Френеля¹.

– Через неделю праздник Новолетия, – продолжил Ангел, – поморы будут отмечать 7534 год. И в нашей небесной епархии много дел по подведению итогов уходящего года. Так что я тебя снова оставлю ненадолго, ты не один, с тобой же всегда наш Варфоломей, – проговорил Ангел и исчез так же незаметно, как и появился.

Маяк снова задумался: «Во времена моей молодости морские походы были настоящим приключением, полным рисков и неожиданностей. Навигационные карты тогда оставляли желать лучшего, штормы накатывали внезапно, потому что метеослужба не „гадала на кофейной гуще“, – он усмехнулся собственным мыслям, вспомнив недавнюю историю о внезапно налетевшем шторме и обрыве электропитания, из-за чего отказала и система самодиагностики, и дистанционный контроль. Ночь тогда и вовсе превратила море в бескрайнюю черную пустоту. Ни электронных приборов, ни связи, ни GPS – капитаны, как и много столетий назад, могли полагаться лишь на звезды, очертания берегов и, ко-

¹ Сердцем маяка является его оптическая система. Ключевую роль в ней играет линза Френеля, изобретенная в XIX веке. Линза состоит из concentрических колец, что позволяет фокусировать свет от относительно слабого источника в мощный, узконаправленный луч, видимый на десятки миль. Благодаря линзе Френеля, маяки могут иметь уникальную световую характеристику (последовательность вспышек и затемнений), которая позволяет морякам безошибочно идентифицировать каждый маяк.

нечно, на маяки. И они, одинокие башни с огнями, как путеводные звезды на земле, показывали, где берег, а где – рифы и отмели. Вот с того раза Маяк и Ангел отметили монаха Варфоломея за его смекалку, присутствие духа и умение взять ответственность на себя, не дожидаясь благословения настоятеля монастыря.

А было это так... Однажды, в самый разгар зимней ночи, случилось нечто необычное. Маяк почувствовал тревогу – его свет начал мерцать, словно кто-то мешает ему светить. Вскоре он заметил, что в небе появился сверкающий, как серебро, крылатый Ангел с глазами, полными тайны и мудрости.

– Маяк, – обратился к нему Ангел, – на море приближается опасность. Военный крейсер сбился с курса – электроника подвела, и он идет прямо в шторм, который может разрушить корабль. Ты должен помочь ему, иначе погибнут многие.

Маяк почувствовал, как его каменное сердце забилося сильнее. Он знал, что его свет – не только путеводитель, но и защита. Но он был старым, и его свет иногда, особенно в трудные времена, начинал мерцать. Он спросил у Ангела тихим голосом:

– А что, если я не справлюсь? Что, если мой свет не будет достаточно ярким? Тогда погибнут люди, и я не смогу их защитить.

Ангел улыбнулся и ответил:

– Ты – часть великого замысла. Но есть одна тайна, которую ты должен знать. В этом шторме есть не только опасность, но и испытание для тебя. Внутри этого крейсера – не просто команда, а человек, который потерял веру. Он – капитан, и он давно забыл, зачем он живет. Его сердце – как корабль без руля, и без твоего света он может потеряться навсегда.

Маяк зажегся ярче, его свет стал сильнее, словно он получил новую силу. Он знал, что его задача – не только показывать путь, но и вернуть капитану веру в себя, напомнить ему о смысле борьбы и надежды.

– Я помогу ему, – тихо произнес Маяк. – Я не позволю, чтобы страх и отчаяние поглотили его сердце.

В ту же минуту Ангел исчез, оставив Маяк одного, но с новым ощущением силы и ответственности. Он сосредоточился, и его свет стал ярче, чем когда-либо. Он начал посылать мощные лучи прямо в темные облака, освещая путь крейсера, словно звезда, указывающая дорогу в ночи.

На борту крейсера Капитан, давно потерявший веру, вдруг заметил яркий свет, пробивающийся сквозь штормовые тучи. Он почувствовал тепло и надежду, словно кто-то зовет его домой. В его сердце зажглась искра надежды – он вспомнил, зачем он живет: ради своей Родины, ради своей семьи, своих друзей, ради будущего всего человечества.

Маяк тем временем продолжал светить, и его лучи проникали в сердце Капитана, наполняя его силой и верой. В этот

момент Капитан понял, что даже в самой темной ночи есть свет, который может привести к спасению. Он решил бороться дальше, не сдаваясь, ведь с ним – Маяк.

И вдруг, в этот самый момент, несмотря на всю свою мощь, Маяк начал мерцать – его свет становился все слабее, словно силы покидали его под натиском стихии, и наконец линза Френеля совсем погасла. Маяк был в отчаянии, колючий северный ветер выл и свистел, словно злой дух, пытаясь в крошечной темноте окончательно сбить корабль с курса. Вихри срывали облака, штормовые волны разбивались о скалы, заливая все вокруг брызгами и грохотом. В самый критический момент, когда казалось, что Маяк погаснет навсегда, появился наблюдатель – монах Варфоломей. Он был в рясе, с потрепанным томиком Библии в руке и старинным фонарем, который когда-то давно, еще до линзы Френеля, зажигали на Маяке. Несмотря на бушующий шторм, он уверенно поднялся по скрипучей лестнице к Маяку. Его руки были крепкими, а взгляд – спокойным и твердым.

– Не бойся, – тихо произнес Варфоломей, – я помогу тебе. В этом шторме ты не один. Он бережно взял в руки старинный фонарь и, несмотря на сильный ветер, аккуратно зажег его. В этот момент, словно по волшебству, свет маяка снова засиял ярче прежнего, прорезая тьму и штормовые облака. Варфоломей, с молитвой на устах, стал помогать поддерживать свет, направляя его лучи прямо в бушующее море.

– Этот свет – не только навигация, – сказал монах, – он –

символ надежды. Пусть он ведет тех, кто потерялся, и напомним им, что даже в самой сильной буре есть путь к дому.

Маяк почувствовал, как его сердце наполняется новой силой. Он знал, что, благодаря молитвам и помощи Варфоломея, его свет не погаснет, даже когда шторм кажется непреодолимым. В этот момент в сердце Капитана тоже зажглась искра веры – он увидел яркий, мерцающий свет Маяка, словно звезду, которая ведет его через тьму.

Капитан почувствовал, как его руки, давно лишенные надежды, вновь обрели силу. Он вспомнил о тех, кто ждет его возвращения, и о том, что его команда верит ему и его долг вернуть их домой, в их семьи, живыми и невредимыми.

Ветер понемногу стал утихать, волны стали мягче, словно сама природа подчинялась силе света Маяка и силе молитвы его смотрителя.

Маяк, поддерживаемый молитвами Варфоломея, продолжал ярко светить, прорезая штормовые облака. Его лучи достигли крейсера, словно рука, протянутая в темноту, – и корабль начал медленно, но уверенно двигаться вперед, следуя за светом.

Ангел, наблюдая за этим, улыбнулся и тихо произнес:
– Вот он – истинный смысл света. Не только показывать путь, но и возвращать веру, даже в самые тяжелые минуты. Маяк и монах – вместе они создают чудо.

Капитан на крейсере тихо произнес:
– Спасибо тебе, Маяк. Я вспомнил, зачем я живу. Я верю –

мы найдем путь домой.

Маяк, сияя ярче, чем когда-либо, теперь знал – его свет не погаснет, пока есть надежда, пока есть вера. И он продолжал светить, ведя корабли и путников сквозь любые бури, напоминая всем: даже в самой темной ночи есть свет, который ведет к дому, он знает – его свет важен. Он чувствует себя частью этого бескрайнего мира, и его сердце наполняется спокойствием и гордостью за свою работу.

* * *

Однажды вечером, когда море было особенно спокойным, к скиту подъехала большая легковая машина, из нее вышел статный седовласый мужчина – это был тот самый Капитан военного крейсера. Его лицо дышало спокойной силой. Из машины вслед за мужчиной, как горошины, высыпались четверо мальчишек, в возрасте от семи до четырнадцати лет. Старший из ребят взял на руки девочку лет трех. Они молча двинулись в сторону церкви Вознесения на Секирной горе Свято-Вознесенского скита Соловецкого монастыря.

Капитан поднялся по лестнице к Маяку и, приложив свои руки к кирпичной стене церкви, произнес:

– Здравствуй, старый друг. Спасибо, что ты всегда светишь для нас. Помнишь ту ночь – шторм был особенно сильным, приборы отказали, и я боялся потерять путь. Но твой свет не дал мне с нашей командой погибнуть в морской пу-

чине. Я помню тебя и буду помнить всегда! И свой отпуск я решил провести здесь, в месте моего второго рождения. Я приехал с моими детьми, чтобы они тоже могли поблагодарить тебя за мое спасение, а младшие – за свое рождение, – Капитан улыбнулся и, оглянувшись, ласково посмотрел на своих ребят, которые стояли рядом и слушали его.

Маяк почувствовал тепло в сердце. Он ответил тихим, глубоким голосом:

– Я всегда рад помочь тебе, Капитан. Моя работа – быть путеводной звездой для всех, кто ищет дорогу. Знай, я буду светить, просто верь мне.

Капитан присел на траву у основания церкви-маяка, дети устроились рядом на деревянной, местами покрытой мхом скамейке. Маяк продолжил:

– Я чувствую, что моя миссия – не только светить, но и защищать. Я – страж этого моря и его путников и просто выполняю свой долг, служу миру.

И тут младшие мальчишки достали картонную коробку из пакета, и старший обратился к Маяку:

– Дорогой Маяк, спасибо тебе за нашего папу – мы тебе очень благодарны! Папа давно обещал приехать в отпуск с нами вместе к тебе, чтобы мы могли поблагодарить тебя лично за спасение тогда, в том шторме. Мы вчера были на празднике – такой классный в Архангельске праздник – Поморское Новолетие. Мы посмотрели, как лоцманы с помощью факелов поджигали плавучие маяки у архангель-

ской пристани и пускали их в море, звонили колокола. Папа нам объяснил, что это такой обычай – когда заканчивается лето и наступает длинная темная зима. А потом выстрелили из пушки – Настенька немного испугалась и заплакала, но мы ее быстро успокоили.

– Да, я уже не боюсь, – подтвердила малышка, – и потом мы с папой пошли на площадь, а там были похороны комариков! И мы положили их в гробики, которые мне братики помогли сделать из морковки и принесли тебе, чтобы ты за ними присматривал – мы же уедем домой скоро!

– Конечно, я присмотрю за ними, Настенька, пусть ребята помогут тебе закопать под деревом рядом с нашей церковью эти гробики, – ласково сказал ей Маяк, – а мы с твоим папой еще немного поговорим.

В тот вечер Маяк и Капитан говорили долго. Маяк рассказывал о своих мыслях и чувствах, о том, как он видит море, как он чувствует себя в штормы и спокойные ночи, и как важно быть опорой для тех, кто ищет путь. Он говорил о своей ответственности и о том, как иногда ему кажется, что он один, но он знает – его свет нужен всем, кто в темноте.

Капитан делился историями о морских приключениях: о битвах с бурями, о встречах с далекими островами, о людях, которых он спас и которых потерял. Он говорил о своих страхах и надеждах, о том, как иногда он забывал, зачем борется, и как его сердце становилось тяжелым от грусти.

Но в этот вечер, как и тогда, в тот страшный шторм, слу-

шая Маяк, Капитан почувствовал, что его вера еще больше крепнет. Он увидел, что даже самый старый Маяк, несмотря на свою каменную твердость, тоже нуждается в дружбе и понимании. Он понял, что его свет – не только навигация, но и символ надежды, который может вдохновить даже самых отчаявшихся, потерявших веру.

Маяк почувствовал, что его свет не только помогает кораблям, но и наполняет сердце Капитана теплом и силой. Он понял, что вместе они – часть большого замысла, и что даже в самые трудные времена, когда штормы бушуют и тьма кажется бесконечной, есть что-то, что может объединить их – вера, дружба и надежда.

И с тех пор Маяк и Капитан стали неразлучными друзьями, каждый в своем мире – Маяк на скале, а Капитан на море – они поддерживали друг друга, чтобы светить и вести всех, кто заблудился или потерялся в темноте. Ведь даже самый сильный шторм не сможет погасить свет, который горит в сердцах тех, кто верит.

Евгения Табуева

Крылья вдохновения

У ежика были крылья.

Начали они расти, когда он был маленький и ходил в детский сад. Едва заметные трогательные крылышки проглядывали сквозь иголки. Они трепетали, когда ежик пел и танцевал. Но особенно они набирали силу, когда ежик выступал перед зрителями.

Однажды мама заметила крылышки ежика.

— Какой ужас! — Воскликнула она и хлопнулась в обморок. — У нас в роду никогда не было никаких крыльев, — продолжила мама, придя в себя и глотая валерьянку, которой тут же поперхнулась. В ее голове пронесся образ отца Ежика: вот у кого были крылья! Они выросли, когда он мечтательно рассказывал ей про далекие страны, в которых он хотел побывать.

«Видимо крылья окрепли», — со злостью и тоской подумала мама, которая была без крыльев и вынуждена была сидеть дома, пока ее муж скрылся за горизонтом в неизвестном направлении много лет назад. Поэтому мама не любила крылья, никакие, особенно те, которые могли унести от нее прочь единственную радость и гордость — сына.

– А мне они нравятся, – покраснев, робко возразил ежик. – Смотри, какие они красивые! Фигурные, как у бабочки, и прозрачно-переливающиеся, как у стрекозы.

– Глупости! – Воскликнула мама. – У ежика не может быть крыльев.

– Но, мама, в нашем лесу у многих есть крылья. У всех, кто поет, рисует, сочиняет или вышивает.

– Ежику нужны крепкие лапки, острый нюх и упругие иголки, чтобы твердо стоять на ногах и добывать себе пропитание, – сказала как отрезала мама.

Про песни и танцы, которые радуют душу и дают силу крыльям, мама ничего не хотела знать.

Ежик рос послушным ребенком, и ему очень не хотелось расстраивать маму. После такого разговора он старался прятать свои крылья. Для этого ему приходилось меньше петть и почти не танцевать. Мама помогала ему изо всех сил – она так качественно комментировала выступления ежика, что от ее критики его крылья вяли. Ежик перестал показывать ей свои умения, и крылья скукожились. Но не исчезли до конца.

Длительное время Ежик старательно жил как положено ежам – собирал по лесу грибы, ягоды. Очень в этомгодились ножки, нюх и иголки – все то, что так усердно взращивала в нем дальновидная мама.

Ежик жил свою обычную ежовую жизнь на одном месте, вырослел и, может, даже скучно состарился бы, но однажды лес закончился. Да, вот так бывает, вырубили его, чтобы по-

строить дома.

Пришлось Ежику переезжать в другой лес, обустраивать свое жилье и заново находить свое место под солнцем. Днем он усердно трудился, как все лесные жители, а по вечерам позволял себе немного распустить свои крылья: на крылечке своей норки он пел красивые песни и танцевал зажигательные танцы. В новом месте ему казалось, что его таланты могут быть приняты публикой. Мама жила далеко и не могла запретить взрослому ежику делать то, что нравится.

Мало-помалу у его норки начали собираться соседи, которым было любопытно посмотреть выступления Ежика. Они весело подпевали, пританцовывали, и все чудесно проводили время. Крылья Ежика росли, крепили и поднимали его над землей, когда он был в особенном творческом полете. Вечеринки у Ежика становились все более популярны, и слухи о талантливом Ежике разбегались по всему лесу.

Однажды Ежик услышал разговор двух лисичек, которые пришли на его концерт с другой стороны леса.

– Ой, и правда у него крылья. Но у меня крылья лучше!

– Да и поет он средненько. А танцую я лучше.

Две кумушки закатывали глаза и ехидничали весь вечер.

Ежик многое услышал и сильно расстроился. После этого он стал замечать каждое слово критики, сказанное в его адрес. Ежик сильно обиделся и перестал показывать крылья.

Через некоторое время он прекратил давать вечерние концерты и стал петь только для себя – тихо, чтобы никто

не слышал. Его крылышки теряли силу и блеск, становясь все меньше и прозрачнее.

Поклонники таланта Ежика очень удивились, осыпали его восторженными отзывами, но он слышал только замечания в свой адрес. Сила единичных слов критики была гораздо больше шквала похвалы.

Как-то раз Ежик пел себе под нос на крыльце своей норки и пританцовывал сам с собой.

Его услышала пролетающая мимо Сова. Она незаметно приземлилась на ветку и долго слушала.

– Ты хорошо поешь и танцуешь. Я видела твои выступления раньше и слышала восторженные отзывы. Почему ты перестал выступать?

– Мои выступления не нравятся никому, – едва сдерживая слезы, прошептал Ежик.

– А я слышала много добрых слов про твои концерты, – недоуменно взмахнула крыльями Сова.

– Да, я тоже слышал. Но еще я слышал, как обсуждают мои крылья и как не нравится мой голос.

– Нет ничего странного в том, что не всем нравится твое творчество, – Сова распушилась, готовясь изречь мудрую мысль. – Но глупо слышать одну каплю критики, не замечая водопада восторга. Твои крылья должны звучать сильнее!

– Вот и я говорю, не нужно никого слушать! Особенно этих вертихвосток-лисичек! – Это мама Ежика приехала проведать сына и была согласна с мудрой Совой, услышав ее

слова.

– Но, мама, ты была всегда против моих крыльев, – удивился Ежик.

– А я поняла, что ошибалась! – неожиданно заявила мама. – Теперь я точно знаю, у тебя отлично получается петь и танцевать. Да и крылышки тебе идут. Делай, что тебе нравится, а я тебя поддержу!

Ежик расплылся в счастливой улыбке.

– Как здорово, когда тебя понимают и поддерживают. Особенно если это делает мама!

Сергей Герасимов

Сказание о Тяп Тяпыче

Обычным сумеречным вечером, когда опытные остывают, а молодые только разогреваются, топор со стажем по имени Тяпыч прилег в сенцах перевести дух от дневных забот.

Во дворе юные топорики, нетерпеливо позванивая, готовились в очередной раз наломать дров. Тяпыч хорошо понимал их суетную живость, сам еще вчера увлекался такими же ночными приключениями.

– Железь, – окликнул он самого шустрого, с длинным топорищем, – поди-ка.

Пытаясь сохранить неокрепшее достоинство, молодой топорик как бы нехотя придвинулся к Тяпычу, деревяшку при этом провокационно выставив вперед.

– Так, – начал уважаемый топор, – с тебя спрошу, если утром опоздаете на построение. Звякайте аккуратно и знайте меру.

«Все-таки опыт – большое дело», – удовлетворенно подумалось ему, когда небольшая стайка топориков, увлекаемая Железем, растворилась в темноте.

Довольный своим весом, Тяпыч подстелил соломки под голову и задумался. Он был хорош собой, даже когда от-

дышал на боку. Производил впечатление. Строгие стальные линии лезвия смягчались нежным отсветом ножки топорика. Его инструмент работал исправно, хотя уже и не с молодецким задором. Пришло, однако, время подвести предварительные итоги, да и призадуматься о вечном.

Сквозь щель в крыше просочилась лунная дорожка и медленно, как воспоминания топора, поползла по соломе.

Вот он – совсем молодой топорик, недавно уговоривший прекрасную березовую Хватку. Теперь Тяп без нее никуда, ни одного шага, и работает только с ее поддержкой. Он и стал-то полноценным топором, когда встретил Ее. Хватка сразу почувствовала надежность мощной груди Тяпа и решительно протиснулась в самую его душу, скрепив их союз свадебным клином. Жизнь у них потекла по давным-давно заведенным мудрым правилам. Одна судьба на двоих.

Несмотря на серьезный семейный статус, Тяп еще витал в облаках, особенно когда к ним приходила двуручная пила Дзыня, высокая худая местная певичка из самодеятельности, живущая мечтами о подиумах, славе и богемной жизни. Помогали ей в этом горячие настойки на травах от Кошелки Бабовны – узкопрофильного специалиста и большой мастерицы вязать ажурные интриги.

При Дзыне всегда прицепом вертелась Ножовка Шука – скромная, компактная девица без притязаний, довольная только тем, что приобщена к великим планам подруги.

– Тяп, ты еще здесь? – пискляво врезалась в семейное

гнездышко Дзыня. — А я думала уже там, — и она кивала куда-то вверх, туда, откуда нисходили только ей слышные райские переливы мировой известности.

— Иду, — откликнулся топор, — только Хватку прихвачу.

И они снова и снова порхали в вечерний кабак веселить местных работяг повизгиваниями и звяками с небольшого пандуса у стойки.

В какой-то счастливый момент ему все это надоело, точнее — его половинке, и они тихонько слились, не успев зависнуть на настойках Бабовны. Дзыня же, потеряв зуб на вечерних скрежетаниях, не успокоилась, и при случае на пару с Кошелкой подначивала Тяпа, намекая на его мягкотелость и предательство мечты. Это было больно, но терпимо. И все-таки, если хотите знать всю правду, Тяп все равно временами возвращался в это трио, а Хватке оставалось просто смириться и найти в своем повиновении особый смысл.

Не сказать, что Тяп жил несчастливо, но что-то его-таки беспокоило, время от времени толкало в пятку, и тогда он ударялся обухом то в одно увлечение, то в другое. Что это? Мечты, идеи или блажь? Не суть. Ну, пусть будут мечты. Вот, например, Тяп буквально нагревался от мысли о сокровищах, зарытых где-то неподалеку и дожидавшихся его, как уверяла Лопата Ковыря, дальняя родственница топора, близкая ему по духу искательства. Разве ж плохо — выкопать их и разом вылечить все финансовые недомогания? Но даже если удача не улыбнется прямо сразу, то сама мысль об этом

могла годами согреть их души и не хоронить надежды.

– Ну, скоро ты? – Подгоняла Ковыря Тяпыча и кивала куда-то вниз, туда, где, очевидно, мерцали в тесной темноте золотые бриллианты, – а то я сама все откопаю и заберу себе.

– Иду, – откликнулся топор, – только Хватку прихвачу.

Компания нечасто выбиралась на поиски сокровищ, только по выходным. Чтобы не проголодаться на земляных работах, друзья брали с собой провиант: и твердое, и крепкое для поддержания сил и настроения. С ними всегда увязывалась и Шуха, бессменная напарница любых начинаний. Можно было и без нее обойтись, чтобы не делиться, но на троих работалось лучше, да и лишние руки всегда могли пригодиться тащить тяжелый сундук, полный счастья.

Годы шли, но топор так и не дождался ни славы, ни беззаботной богатой жизни. Постепенно истощались резервы молодой наивности, и он все больше прислушивался к двоюродному брату Уху, колуну с тяжелым характером и узким профилем, ни на что не претендующему, кроме умиротворения и дивана. Лежал Ух в чулане, прикрываясь пылью и почитывая старые журналы. Обратимся к физическим понятиям. У колунов много потенциальной лежачей энергии и мало кинетической, подвижной, ну-ка поди раскрути эту болванку, но как раз это его качество и помогало в важной работе. Тут топор сам задумался о своем потенциале и его реализации, но к однозначному выводу не пришел.

– Брось ты это, – говаривал Ух Тяпу, незаметно превра-

тившемся в Тяпыча, кивая куда-то в сторону, туда, где можно было прилечь и тихо себе поживать свой век, – давай лучше к нам, на сезонные работы, оту́хаем вахту по заготовке дров и будем отдыхать до следующего раза. Красота!

Идти было некуда, разве что на диван к Уху планировать летние работы да обсуждать романы из журналов. Так он и поступал, составляя компанию брату, однако его то и дело тревожили, доставали, правили и пускали в ход.

– Иду, – грустно откликнулся топор, – только Хватку прихвачу.

Хватка у топора была хоть и красивая, но березовая, сомнительная, поистрепалась за годы, даже подгнила в одном месте. Но Тяпыч и не думал ее менять на другую, помоложе. Это постоянство его было во всем, в своих мечтах тоже. Ни от одной он не отказывался, в том числе и от мечты научиться плавать. Да-да. Просто плавать. Уговаривали Тяпыча, что это не его вариант, что наверняка он утонет. Но куда там. Он продолжал мечтать, как поплывет по волнам мимо целого мира, мимо удивленных глаз друзей и знакомых, и все будут восхищаться им и хлопать в ладоши. И наконец, однажды Тяпыч все-таки рискнул подойти к реке на опасное расстояние, без тренировок, без спасательных средств, на одной вере. Тут же собралось все общество утвердиться в своей правоте и пособолезновать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.